

НАДИНЫ РАССКАЗЫ

Чего греха таить, с деревенскими подружками видимся не часто. Живём друг от дружки далёко. Но уж как встретимся, наговоритца не можем. Вспомним, как жили да росли... Да отцов-матерей... Эти уж нынче покойны. Да и мы-то не все живы. Вот и с Надей нет-нет да сведёт судьба...

1)

Папку своёво я шибко любила. Больше всех. Сказывали, што он как первый-от раз в больнице меня увидал, аж отшатнулся:

Фу, кака девчончишка ненавидна!..

Молодой был, думал челядята сразу в платьях, туфлях и с бантами рожаютца...

Это уж потом залюбил, как подросла, да на нево находить стала... Папка-то у меня ласковый был. Жалостливый. Сколь годов ево нету на свете, а я забыть не могу, как он на меня глядел.

А я и вправду вся в ихну родовú вышла. Хоть хто скажет – это Платоновых девка.

Счас думаю, то ли карахтер у меня такой с малолетства услужливый был, то ли сердчишком чё-то чуяла. Ну я уж и старалася доказать, што всё ж даки не здря меня родили где ишшо таку помошницу найдёшь?! За всяку работу хваталась. Не дожидалась, ковды заставят, перва бежала делать. Баушка и та захохваливала, нет-нет да скажет – девка-то порна́ растёт, добра хозяйка будет.

А мне и деватца-то некуды было, мамка смолоду учительшей работала. Начальны классы учила. Весь день в школе. Сперва уроки, потом допозда с двоешниками сидит. Ране вить не было моды репетиторов нанимать. Учителям нервы даром трепать можно было.

Да она ишо и сама училась в заочном.

Окроем этово всех учителей на курсы в Красноярск гоняли... Каждо лето по месяцу рубили.

Папке-то, бывало, надоест одному с нами да с хозяйством мытаритца, он ей и выговариват: «Ты где дом-то видела? Ты вить только училась лет сто!..»

Хошь-не хошь, пришлось мне по-маленьку домашну работу в свои руки брать. А потом уж управлялась как добра. И корову подою, и ужну направлю, и в избе подберусь.

Не поверишь, был у меня случай.. Как банку гушшонки увижу, так на ум падат. А главно, што я так и не созналась.

Ну дак вот, мою я раз посуду. Вытерла. Открываю шкафчик - чашки составить - а там на нижней полке (как раз против моих глаз!) стоит целых три банки гушшонки! Это с каких шшей сразу три-то банки взяли? Видать это папке с собой на охоту. Конешно на охоту, почево ишшо ёстоль набирать?

Ну до чево же я эту гушшонку люблю!!! На банку погляжу – ажно во рту сладко стаёт.. А ись нельзя – это папке. На охоту.

Поглядела-поглядела на неё, да пошла по дрова. Притащила три берема.

«... Интересно, почево он гушшонки набрал? До лесу-то ишшо боле недели...»

Затопила плиту.. Поглядела на шкаф: «Неуж она всю неделю тут стоять будет?»

Начистила к ужне картошек, поставила варитца.. Поглядела на шкаф...Налила в чайник воды. Опеть на нево покосилась: «Лучче бы убрали от греха подале»

.. А на уме вертитца: «Интере-е-есно, а гушшонка-то хоть сладка попалась? Нады сказать, штоб опровердал. Не дай Бох нонче худу в сельпо-то привезли? Чё тогда её здра в лес таскать?!»

«Не-е-ет, сам ни за што не дотумкат, штоб дома её опровердать!»

Нашла в папкином яшшике шило. Сделала в банке дырочку.

«... Я чуть-чуть. Опроведаю только.

Вай, дак кака сладкушша-а-а!!! Пила бы и пила..

А до чево густа! Вон сколь на губы-то прилепло. С целу ложку будет...

Ну всё. Боле нельзя! Это папке. На охоту».

Повертела в руках – сразу увидят, што банка-то дыровата.

Оторвала уголок от газеты, скрутила, заткнула дырку.

Пригляделась. Видать...

Послунила палец, затёрла. Вот счас хорошо.

Поставила банку на место.

Пойду-ка я уроки учить. Скоро мамка придёт.

.. Не идут на ум уроки... Вот тянет меня в куть и всё!

Главное, как ни погляжу в ту сторону, сразу шкапчик со сгушонкой в глаза бросатца! Какой лешак ево против двэри-то повесил, шкапчик этот?!

.. И папка с мамкой долго домой не идут.. Далась им эта работа...

... Чё делать? Глаза к шкапу как приклеились, оторватца не могу!

.. Не переварить бы картошки... Пойду-ка погляжу...

Шла навроде к плите, а уткнулась в шкап. И ведь не собиралась, а успела шилом выковырнуть газетку!

Только один глоточек! Честное пионерское под салютом всех вождей!

.. К седьмому ноябрю папка из лесу вышел. Таскаютца с мамкой в избу да в анбар. Он ково-то рассказывает, хохочут. Потом папка пошёл в баню, а мы двоём направлям на стол. Она, бытто ненароком, говорит:

Подумай-ка, чё дэетца – отец в лесу-то распечатал банку с гушонкой, а она проста! Дак мы надивитца не можем, хто чево?! Ни дырок нету, ни гушонки!

До сево дни не знаю, как я со стыда не сгорела?! Главное дело, вить я всю-то её не выпивала! Я по чуть-чуть. Каждый день по глоточку...

2)

Дождались лета. Подружки в реке купаютца, а мы с мамкой врысью бегаем. В огородишке худо-бедно отсадились, счас торопимся в избе выбелить, половики перестирать да прибратца. Им с Ефросиньей Сергеевной опеть на учебу в Красноярск ехать нады.

Поселили всех учителей вместе то ли в общежитте, то ли в заежжей какой.

Девки-то все после уроков бегут на базар. Каково толька товару там нету! Деньжонок не хватит, дак хоть поглядеть! Вот и давай оне выгадывать на всём. Которы дак какэсь впроголодь питались.

А мамка успела в первый же вечер нарасказывала, кака на Ангаре-то красишиша! В лесу и ягод и рыжиков – хоть лопатой гребь! А уж Ваня-то у ней рыбак из рыбаков и охотник из охотников! Мясо и рыбу

продаём и сами не голодуем. Икру рыбну не то што на хлеб мажем – ложками едим, а она не убывает!

Девки толька охают, да ахают:

- Ана што за така за Ангара?

В раю живитё ли чё ли? Не жисть у тебя, дефка, а малина!

Дивья с таким Ваней жить, нам бы ёково.

А как на нево не завидовать?! Ихны-то мужики за месяц не спомнят, што хозяйки дома нету, а от Вани каждую неделю по письму приходит!

Питались в столовой. Дефки копейку лишну проить боятца, а мамке экономить никак нельзя. Живо осудят, мол при таком мужике да на цены глядеть?

Да как на грех еда-то вся нездэшна – гуляш, манты, плов с бараниной – это тебе не шти с кислой капустой! Всё опровердаты охота. Лешай с ними, с деньгами – раз живём! Наставит на поднос – едва доташиит до стола. Да всё-то дорогушше! Чай не берёт – ей какаву давай! А на верхосытку ишшо мороженово навернёт!

Мелочью не рашшитыватца – всё гумажными подаёт. Знай, мол, наших!

И всё она с шутками да прибаутками – вся столова над ней покатыватца! Каждый день бесплатный концерт!

Столовски девки не знали куды её посадить – выручку-то она немалу давала!

Всё бы ничево – да не подрашшитала расходы! Собралися завтрикать, достала она чумадан – а там уж одна мелочь! Скажи кому, што деньги все вышли – не поверят. Давай она подкатыватца к Ефросинье Сергеевне. Шепотком спросила, дай мол заёмно хоть пятитку. А у той у самой уж поджимат с деньжонками-то.

Чё делать? Тихоньку ото всех сбегала на почту, отбила радиогамму – так мол и так, сижу без копейки, отправляй переводом строчно!

Счас-то дивья с карточками... А в те года перевод-от сколь ждать нады было?! Радиогамму почтовска приташшила, а папки дома нету на сетях. Он воротился, а тут выходной – деньги с книжки не сымешь и перевод не пошлешь.

Ись-то охота. Другой день мамка моя поститца. Брюхо уж ко хребту подтянуло, а в столовой при всех копейки шшитать ни за што не хочет!

Но всё же голод-от не тётка! Под вечер устроилась через дорогу от столовой, на лавочке – скараулила, как все наелись да ушли в обчежитте...

Заходит в столову тише воды, ниже травы. На цены зглянуть боитца... А куды деватца? Не до жиру стало быть...

Взялась читать. А как дошла до каши да лапши – глазам не поверила! Две да три копейки! Дак тут на двадцать копеек доотвороту найтись можно!

Подходит к кассирше, тычет пальцем в листик:

Шштай! Мне этот, этот и этот!

Кассирша растерялася:

А ково шшитать? Тут одне гарниры.

Черт с ним, шштай гарниры!

Два дни гарнирами и питалася...

Дак допоследу потом, как подходит рашшитыватца – так кассиршу смех пробирает.

Да нашу Павловну на слове не подшибёшь! Живо присказку вернёт – вот тебе и опять веселье на всю столову.

3)

Всё на тех же курсах.

Уж как учителей деревёных в Красноярском-то соберут, дак старались водить их на всяки концерты да по музеям. Ково, мол, оне у себя-то видят? А тут как раз заработал опернай тиятр. Туды ишо и городски-то не все попадали. Отказатца никак нельзя. А мамке строчно нады на почту. И так уж растягивала, сколь могла, деньжонки-то. Седни перевод пришел и, как на грех, на спектакаль погнали! Рассказыват:

Ну, думаю, тут недалёко – через две дороги перебежать. Долго ли деньжонки-то получить?

Ефросинья Сергеевна было поостерегла:

Долго там не шаперься, очередь больша будет, дак не стой – завтра получишь. А то где нас искать-то будешь?

Я без головы ли чё ли? Билет с собой беру. Уж по нему-то найду, не беспута.

Побежала. Откуль знала, што весь народ на почту к вечеру собиратца. В деревне добры-то люди днём по магазинам да на почту ходят. А тут управы нету, ково дома-то делать? Вот и стоят.

Достояла-даки. Получила. А на приставленне-то обробела..

Уж как её пропустили, не знаю. Дак она ково не уговорит!? Контролёрша и пропустила и до двери довела, да ишо давай обсказывать, где место найти. Павловна остановила:

4)

Надя, стой-ка, родна моя. Я вчераь на «Заре» из Богучан ехала, да вашу Марусю стретила. Дак, гбоворит, вилитинар на Платоновича в суд подавать хочет. Он не одичал ли? Обскажи-ка ладом – вправду сказываюат ли врут?

Да ну, тетка Наталья, у мамки спрашивай, она лучче знат.

Стало быть не врут... Я сѣдни в большой магазин пошла, а там народишшу - битком! Ишшо и на крыльце толпятца. Я так в дверях и простояла. Сперва думала, товар выбросили. Потом по голосу-то слышу, Павловна ково-то рассказыват. Дак понять никово не можно, ей слово сказать не дают – надцелись хохотать.

Да, Надя, твоей матере нады не в школе учить, а концерты ставить! Бабѣнки-то какѣсь учишались, пол скребли! Я думала она так, шпанит.

Какой шпанит? Народ проходу не даѣт, заставляюат про Буяна с велитинаром рассказывать...

Я счас стретила Сашку-то. Не то штоб поздороватца, ишшо и отвернулся. Давай-ка, распотрошь, хто чево у вас подековалось.

А ты не помлишь, у нас в прошлом годе-то Пеструха потерялась?

Никово не знала. Счас слышу.

Ты чѣ? Вся деревня искала!

Меня вить дома-то не было, у ребят в Богучанах водилась. Не тяни жилы-то, сказывай!

Дак чѣ говорить? Сама знашь, у нашей коровы мода – перед отѣлом из дому убегать. А тот год она поздо гулялась, телѣночка-то ближе к осене поджидали. Ну и вот, бытто как причинать стала. Мы уж все еѣ караулим, ворота на запоре, штоб, оборонишна мать, никуды не девалась. Ково делам-не делам, опеть во двор заглянем. И всё она тут то у сена стоит, то прилягет.

И вить, проклятá, уллучила минутку! Докуль чай попили, выходим – нету коровы! Вот как растаяла! Выскочили на улицу – нигде нету! Всю деревню в шахмат взяли, все колхозны дворы обшарили, и на подтоварнике и под угором.. До тѣмной ночи бегали.

На другой день всем народом и за болотом искали и на Даче всё обошли. Все елани вперекрѣст взяли.. Вот што за корова?!

На третье утро тятя запрѣг коня в телегу, поехали с мамой. Ты чѣ думашь? За Железной на неѣ трафились! Куды лешак увѣл! И телѣночек рядом лежит. Видать ночѣсь распросталась, успел уж обсох. Папка сразу кинулся к нему, хотел на телегу полбжить – до деревни-то да-лѣко. А он, дефка, соскочил на ноги, да давай злягивать! Ишо и боднуть ладитца!

Мамка хохочет:

Иш, паря, какой бойкушший! Но-ка погляди, тёлочка или бычок?

Какой – погляди!?! Близко не допускат!

- Неуж опеть бык? Нонче Шурка уж надоела, всё ей охота тёлочку от нашей Пеструхи. У ней, мол, и молоко хороше, и удои большой. Её-то коровёнка ништо ничево, вот и хочет на замену вырастить от доброй коровы, а свою на мясо сдать.

Телёнок забежал за мать. Папка махнул рукой – пускай бежит, раз охота:

Гляди-ка, в третьем годе бык-от у нас был – этот мастью весь в нево, до пятнышка! Какэсь наш Буян – не дать не взять! Думаю, этот ишо почише будет! Не успел вылупитца, ково выделяват!

- Не дождемся, видать, тёлочку-то одних бычков носит. чево доброво сами без замены останемся.

Слава Бох, хоть нашли. Бычок дак бычок. Тут же ево Буяном и окрестили.

Дак этот Буян всю дорогу за телегой вместе с матерью бежал! Увидят, што отставать стал, остановятца. Он титьку пососёт – и дале! Мои-то їздива вышли!

Так и рос. Пойло оставить нельзя было и у матери и у поросят всё выпьет. К весне-то вымахал большушший, мамка ево боятца стала. Дак как не боятца-то? Придёт она корову доить во клев, а Буян её к стене прижмёт и не отпускает. Она ревет лихоматом. Потом уж двоём ходили - мамка доит, а папка с вилами караулит.

Ну, зиму кое-как перезимовали. А как к весне-то стали выпускать – с греха пропали! Такой вырос матерушший, никому мимо протти не дас! А пушше всех приседателя незлюбил. Уж не знаю, за што он ево... Где бы ни увидел – бежит за ём хоть докуль.

Раз ково-то тот проширился в конторе допозда. Все домой разбежались. Выходит он на крыльцо – а Буян уж тут. Караулит. Ногой копытит. Голову набычил. И вить никово не доревёсся – народ-от хто управлятца, хто у телевизеров сидит. Так бы ему и куковать до утра в конторе, да Бох увидел – Афанасья стиратца взялась, а воды нету. Пришлось мужику итти. Вот он быка-то коромыслом и отогнал.

У мамки и так каждое утро с молитвы начиналось (как бы Буян ково в деревне не решил!), а тут край пришел..

Стало быть придётца под нож ево пускать. А как невыложеново забьёшь? Куды мясо-то девать? Вот тут всё дело упёрлось в вилити-нара.

Отправили в колхоз парнишку – соплём перешибёшь. Уж до чего капошный да боязливый! Почево эких недомерков на учёбу-ту берут?! Как ему работать?

А нам куда деватца? Взял папка поллитровку да пошёл к этому Сашке. Хоть с горем пополам, всё же договорились.

Ну, говорит, приду часам к двенадцати. Штоб ваш Буян к этому времени спутанный лежал. И штоб мужиков человека три-четыре в запас караулили. Нет – дак сразу поворачиваюсь и ухожу!

Порвало бы тебя, таково вилитинара!...

Пошли мы с вечера по мужиков. Повестили Иннокентьевича, Трофимовича, Степановича. Не последни мужики-то в деревне. Бытто с папкой уж четвёро. У Романа взяли киянку. Мало ли чё?

К одиннадцати собрались. Буян во дворе стоял. Не поверишь, почувал неладно! Головизню свою наклонил, глаза кровью налились. Стоит, не шевелитца! Потом как скочит! Ворота вынес и давай по огороду-то кругами, кругами! Ноги выше заду подбрасывает! Мужики наши – врассыпну! Хто подотти посмет? Все с ума сошли...

Я побежала ишо Гавриловича позвала, да Громова зревела.

Уж стояли мы, стояли под заплотом. Но, слава Бох, пристал он... Натешился...

Тожно уж стали приступать к нему тихоньку поило подташили...

Нета-нета, всё-даки свалили его. Вилитинар-от пришёл, дак наш Буян уж лежал.

Разложил он свою сумку. Стал подходить. Да всё бочком-бочком. Побаватца видать.. Ну всё же подошёл.

Наклонился. стоит...

Каково лешака стоишь? Начинай!

А Сашка выпрямился. Хто чего заспелось? Сделался белай, как мел! На глазах слёзы выступили.. Как пнёт свой ящикик!!! И науход! Да врыссю побежал из ограды!

Мамка-то перва опомнилась, кинулась догонять, ревёт ему всугонь:

Шура, Шура! С тобой всё ли ладны? Ты куда бежишь?

У нево у бедново ажно глаза побелели!

Ну чё? Повеселилися? Нарачи естоль народишшу созвали? А я промежду протчим – специалист! И вы правов не имеете!

Ради Христа, мы ково тебе сделали? Ты счево это с цепи-то сорвался?

Вы чё?! Шутки шутить надо мной будете? Да вы правов не имеете! – сцапал мамку за руку и до самой нашей избы чуть не волоком её ташшил!

Вы чё, проверяли меня? Гляди, гляди суды!!!
Александр Петрович, ты не одичал? Я чё, своёво быка не видела?
Это вы тут одичали! Я вам счас покажу быка! Я вам не какой-
нить... Я вам не хухры-мухры!..

Шурка стал задыхатца, хвататца за сердце...

Да я засужу вас, штоб не повадно было над людьми изгалятца!

Христос с тобой, хто над тобой изгалятца-то?

А вы чё? Рехнулись все? Глядите! Суды глядите!!! – и давай ты-
кать палкой Буяна в брюхо.

Мы как стояли, так и онемели! Да сколь время нихто слова сказать
не мог! А как отошли маленькя.. Тётя Наташа, я сроду не слыхивала
эдаково хохота. Мужики катались по земле! Буяна с ума свели!

Дак он ково вам показал? Хто чево там у вашево Буяна было на
брюхе-то?

- Дак вот и главно... Не знаю, как сказать. Мы сами надивитца не
можем! Это как нихто не увидел ни разу?! Понимашь, у Буяна мужи-
чьих причиндалов-то никаких нету!

Наталья перекрестилась:

Ишшо не башше! Он их прячет, ли чё ли? Свят дух восподней...

Тётя Наташа! Там коровьи титьки начали расти. Поняла? У меня у
самой в голове не помешшátца – боле полгода прошло, а мы всё Буян
да Буян.. А Буян-то нётель!